

Елена Ворон

**КРИМИНАЛЬНЫЙ
ТЕАТР**

Елена Ворон

Криминальный театр

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ворон Е.

Криминальный театр / Е. Ворон — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Криминальный театр» — первая книга о телохранителях из условной страны в Средиземноморье. Смешливый парнишка из провинции мечтает стать сыщиком. Обманом проникнув на виллу своего дяди-губернатора и выдавая себя за губернаторского сына, Тео заводит дружбу с начальником охраны и со своим личным телохранителем — бывшим американским боевым пловцом. Обман быстро раскрывают, однако Тео становится разменной монетой в политических играх и поэтому очень нужен дяде. Бесстрашный и сообразительный, юный сыщик расследует череду преступлений, которые совершаются на вилле и возле нее.

© Ворон Е.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена Ворон

Криминальный театр

Глава 1

Думаете, разыгрывать придурочного легко? Ляпнул что-нибудь невпопад, запел не ко времени, заплясал – и дело с концом? Как бы не так. Еще надо следить за выражением лица, чтобы оно было блаженно-дурацкое, как у Эстебана Тоски, и по возможности не попадаться на глаза Рафаэлю Пьятте. Глаза у него цепкие и умные, и порой в них загораются искорки смеха. Я бы с удовольствием подружился с Пьяттой, одна беда – он начальник охраны на губернаторской вилле и, следовательно, мой враг номер один.

Дружить со Спиро Тоски я тоже не мог. Представляете: дружить с губернатором? Однако я второй день жил на его вилле, ел с ним за одним столом и изображал его полоумного сына.

Вилла «Ванда» расположена в пригороде Альба-Лонги, на склоне горы. Из окон, выходящих на юг и запад, видно море, красные черепичные крыши города и зелень его садов и парков. Альба-Лонга далеко растянулся вдоль побережья и очень красив ночью. По крайней мере, так говорят; сам я города пока не видел. Еще немало надо повидать, прежде чем меня раскусят и вышвырнут с виллы. К счастью, Спиро Тоски до сих пор не заподозрил обмана.

День, как положено, начался с завтрака. Мы с губернатором сидели за столом, а слуги подносили, накладывали, наливали, убирали. Недурной штат содержит наш губернатор. Не иначе как за казенный счет.

Деревянные жалюзи были подняты, окна раскрыты, и в столовой витал аромат цветущего парка. Хрусталь сверкал, столовое серебро блестело, тонкий фарфор просвечивал на солнце. Смуглое, холеное лицо Тоски светилось довольством, черные с проседью волосы были аккуратно расчесаны и сбрызнуты лаком. Скоро ему ехать в Альба-Лонгу, заниматься делами государственной важности. А пока он смакует деликатесы, поглядывает на обретенного вчера сына и никак не придумает, о чем разговаривать с юным придурком.

Поэтому я развлекал себя сам: мурлыкал песенки, постукивал ногами по мозаичному полу, мастерил из салфеток фигурки зверей и рассаживал их на блюда. Эстебан за едой всегда мурлычет и стучит, а делать зверей не умеет.

– Эстебан, сынок. – Губернатор откинулся на спинку стула и закурил американскую сигарету. На людях он патриотично курит местную дрянь, но дома предпочитает заграницу. – Я скоро уеду работать...

Известно, как он работает: плоды трудов налицо. Эсталусия, и без того беднейшая провинция в стране, за время его правления вконец обнищала.

– Да, уеду работать. А ты сходи в парк, погуляй. Посмотри фонтаны и бассейн. Только не лови золотых рыбок.

– Не буду. – Рыбок я ловил накануне, едва появился на вилле. Ни одной не поймал, но воду взбаламутил и до слез насмешил охрану. – Сегодня я стану их жарить.

– О мадонна, – вырвалось у Тоски. – За тобой нужен глаз да глаз.

– Отра-ава, мне нужна отра-ава, – запел я во все горло, – чтоб отравить тебя, о злой тиран!

– Иди в парк, – велел губернатор, подымаясь из-за стола.

Полоумный сын его уже порядком утомил. Я тоже подустал ломать комедию и поспешил убраться подальше от всевидящего ока Рафаэля Пьятты: видеокамеры в доме натканы на всех углах. По дороге я заглянул к себе в комнату, сунул в карман плеер, для виду нацепил наушники и убежал в парк.

Прошелся по широким аллеям его парадной, ухоженной части, поглядел на фонтаны, среди которых стояли мраморные скульптуры – копии знаменитых античных оригиналов. Среди прочих я обнаружил Афину Палладу с крылатой Никой на ладони и Венеру Милосскую. У Ники оказалась хорошенькая и явно глупая головка, а Венера была с руками. Видимо, современный скульптор не представлял, что ей с ними делать, и Венера держала их как-то странно.

Солнце поднималось выше и начинало печь. Я перебрался в северную часть парка, что тянется вверх по склону горы позади дома. Клумбы там запущены, газоны заросли молодыми дубками и платанами. Старые деревья широко распростерли ветви, и густой воздух под ними казался зеленоватым. Здесь тоже попадались скульптуры – старые, изъеденные временем и непогодой. Одинокие, гордые, отстраненные от суеты и показухи. Казалось, они глядели на меня с осуждением, не одобряя авантюру, в которую я ввязался.

Мощная аллея вывела к стене парка. Стена была сложена из дикого камня, а поверху шла проволока в три ряда. В одном месте опоры были погнуты, и если забраться вон на то дерево, с ветки можно шагнуть на стену... Что я и сделал. Переступил через проволоку и спрыгнул вниз.

Пологий склон зарос травой и рошицами низкорослых деревьев. Макушка горы была голая и походила на островерхий серый шлем; в небе над этим шлемом висело прозрачное облачко.

В траве свистели цикады. Кроме них, вокруг была тишина; моего побега с виллы никто не заметил. Замечательно. Пройдусь по лугу и вернусь тем же путем. Сделав первый шаг, я невольно обернулся – и уставился в глазок укрепленной на стене видеокамеры. Тьфу, пропасть. Нигде не скроешься.

С равнодушным видом я отвернулся и пошагал через луг. Пять шагов, десять, двадцать. В мониторинг сидит дежурный и наблюдает меня на экране. Ладно, приятель, смотри – а я тебя развлекаю; заодно поддерживаю репутацию придурочного. Включив плеер, я пустился в пляс. Это я умею. И люблю.

Позабыв, что стараюсь для охраны, я вошел в раж. Мускулы требовали движений – сильных, стремительных, свободных. Здорово! Казалось, еще чуть-чуть – и меня подхватит внезапный вихрь, я помчусь над лугом, над деревьями, над вершиной горы...

И тут взвыла сирена. Сорвав наушники, я крутанулся, высматривая полицейских, солдат или иную напасть, никого не увидал и со всех ног пустился к стене. Одним махом взлетел на нее и соскочил внутрь. Сирена заходила в вое. Неужели этот шум – оттого, что я улизнул с виллы?

Недоумевая, я двинулся к дому. Что же – меня хотят держать взаперти? А какой интерес безвылазно торчать на «Ванде»? Я-то приехал мир посмотреть.

К вою сирены прибавился посторонний звук: чоп-чоп-чоп. Я прислушался. Вертолет. Он прошел в стороне, над кронами деревьев. Ясно: охрану подняли в ружье не из-за меня. Но что ж там такое, куда полетел вертолет? Жаль, за ним не побежишь – Эстебану Тоски не след проявлять излишнее любопытство. Может, на виллу напали «Освободители Эсталузии»? Чем черт не шутит: вдруг они от бестолкового шума перешли к боевым действиям? Сомневаюсь: уж больно нелепые были лозунги на их маленькой демонстрации, которую недавно показывали в новостях; а от интервью какого-то их деятеля в «Эсталузия Эспрессо» я чуть со смеху не помер. Да и выстрелов не слышать.

Ладно, придется идти домой.

Залитая солнцем резиденция Спиро Тоски сверкала стеклами; зеленоватые стены и белые колонны, казалось, усиливали этот блеск. Перед домом, у подножия лестницы, два фонтана рассыпали сверкающие струи воды. Я сунул голову в прохладную водяную кипень. Хорошо. Отжав волосы, двинулся вверх по ступеням; мокрая футболка приятно холодила плечи.

Отворились стеклянные двери, вышел охранник в белой рубашке с галстуком.

– Эстебан, пойдем со мной.

– Куда? – я вмиг насторожился.

Лицо у парня было серьезное. Когда у охраны такие лица, наверняка стряслось нечто из ряда вон.

Мы двинулись по первому этажу направо. Там находится берлога Рафаэля Пьятты, соображал я. Что нужно от меня начальнику охраны? Сперва сирена, затем вертолет, и вот теперь меня ведут к Пьятте. Зачем? Неужто он раскрыл мой обман? Но при чем тут вертолет и сирена?

Охранник толкнул одну из дверей, пропустил меня внутрь и вошел следом. Мониторная. По стенам голубовато светились экраны, перед ними стояли три кресла. В центральном, положив руки на пульт, сидел Пьятта – лет тридцати пяти, поджарый, с благородным профилем испанского идадьго. В кресле справа напряженно выпрямился губернатор, на его холеном лице читалось волнение. Разве он не уехал? – мимоходом удивился я. Видать, не слишком торопился к государственным делам. Одно кресло оставалось свободным, а за спиной Пьятты стоял молодой охранник, тоже с очень серьезным видом. Здешняя охрана мне симпатична. Уж не знаю, где Пьятта их берет, но, по-моему, все они – с высшим образованием, и напоминают моего тренера из университетской команды.

– Эстебан, садись, – велел Пьятта.

Я развалился в кресле. У настоящего Эстебана Тоски нет чувства опасности, мне тоже не годится выказывать тревогу.

– Ты никого не видел на лугу? – спросил губернатор.

– Цикад было много, – безмятежно отозвался я.

– Смотри сюда, – начальник охраны ткнул пальцем в один из экранов и нажал клавишу на пульте.

Экран мигнул, его закрыла какая-то тень. Тень отодвинулась и превратилась в человеческую фигуру. Человек обернулся; я узнал собственную физиономию. Ах вот как. Нам показывают запись событий на лугу. Ну что же, поглядим, как я смотрюсь со стороны.

Неплохо смотрюсь: придурок придурком. И пляшу сносно. Хотя я ожидал, что будет лучше. Слишком резкие, размашистые движения, чересчур много агрессии. Это боевой танец, он не годится для дискотек с девушками...

Мы все таранились в экран. Луг, рощицы, я пляшу. Ну и что? Из-за чего сыр-бор загорелся?

Ага! На краю ближней роши возник мужской силуэт – и тут же прынул назад, под прикрытие листьев. Крупный план: парень в мониторной заметил чужака, решил рассмотреть поближе. Разглядишь его, как же. Стоит в тени ветвей, только и разберешь, что у него высокая ладная фигура. Значит, я пляшу на лугу, а он подглядывает из кустов.

Неизвестный вдруг вытянул руку; в ней был пистолет. Целится! В меня! За что?

Пистолет дернулся.

– Это включили сирену, – пояснил губернатору начальник охраны.

Чужак снова прицелился. Шли секунды. Я улепетывал к вилле, а он держал меня на мушке. Затем спокойным движением убрал оружие и растворился в переплетении ветвей.

Пьятта выключил запись; на экране появилось изображение пустого луга. Тоски шумно перевел дух и спросил:

– Эстебан, что ты об этом скажешь?

Я придал себе вид необычайного глубокомыслия. Что сказал бы Эстебан? Понятия не имею. В него сроду никто не целился.

– Жаль, тот парень не стрелял, – выдал я первое, что пришло на ум.

Начальник охраны покривился: придурков он на дух не выносил. Губернатор поднялся на ноги.

– Рафаэль, за Эстебана отвечаешь головой!

Пьятту опять перекосило. Незачем напоминать ему об обязанностях, он про них не забывает. Он повернулся ко мне.

– У тебя есть враги? – Черные глаза впились мне в лицо.

– Не знаю, – ответил я искренне. Откуда у Эстебана враги? А у меня?

– Подумай, – Пьятта встряхнул меня, как щенка.

– Рафаэль! – осадил его Тоски. – Оставь мальчишку и думай своей головой. Эстебан, ступай к себе.

Я с неохотой ушел. Хотелось услышать, что скажет начальник охраны. Наверняка будут усилены меры безопасности, и выход с «Ванды» окажется для меня закрыт. Вот досада...

У себя в комнате на втором этаже я забрался с ногами на постель и отвернулся от угла, в котором, по моему мнению, находилась скрытая камера. Не могу размышлять с идиотским выражением на лице, а поразмыслить есть о чем. А камеру надо будет как бы невзначай чем-нибудь завесить.

Эстебан Тоски – мой двоюродный брат. Он слабоумный оттого, что его, семимесячного, уронили на пол. Судя по тому, как не отвечает на вопросы тетка Эдда, как сердито начинают блестеть ее глаза, малютку уронил Спиро Тоски, в то время еще только мечтавший о государственной карьере. Эдда развелась с ним, когда Эстебану исполнился год. Тоски с тех пор успел снова жениться и овдоветь – и вот уже лет пять несет свое вдовство торжественно, как флаг. Кроме Эстебана, других детей у него нет.

Моя мать тоже разошлась с мужем. Мать и Эдда – двойняшки и всю жизнь стараются во всем походить друг на друга. Они – светловолосые добродушные северянки; обеих к сорока годам разнесло, и они выступают неторопливо, бережно несут свои тела и никогда не ходят к морю плавать.

Сколько себя помню, денег в доме не водилось. Мой отец, по слухам, укатил за границу, мать не получала от него ни гроша. Тоски, который делал карьеру, аккуратно выплачивал алименты, однако мы жили на эти деньги вчетвером. Матери в голову не приходило подыскать работу, а тетка носилась с Эстебаном и ни на минуту не оставляла без присмотра, даже в больнице, куда его отправляли уже раз пятнадцать.

Окончив лицей, я поступил на юридический факультет столичного университета и проучился год. Мечтал стать криминалистом. Увы – учебу пришлось бросить и пойти работать. Да только в нашей деревне много не заработаешь, хоть сутками торчи на водноспасательной станции. Я и торчал, по две смены. Море, пляж, разморенные солнцем туристы. Каждый божий день – море, пляж, туристы. Удавиться можно. Одна отрада – книги, которые я таскал с собой на вышку: детективы и научные труды. Гору литературы прочел. Однако не приведи Господь увлечься и проворонить какую-нибудь беду. Напарники мои – Мануэль и Лоренцо – такие, что надежды на них никакой. Да и туристы попадались – еще те экземпляры. С аквалангами плавают все кому не лень, обязательного инструктажа нет, и вообще на кой ляд слушать наравоучения мальчика, который скатывается с наблюдательной вышки, бежит через пляж в белой футболке и шортах и вид имеет совсем не солидный. Вот было б у меня пивное брюхо, седая шевелюра и мундир с золотым позументом – тогда другое дело. За отсутствие позумента и инструктажа порой приходится платить дорогой монетой.

Прошлой осенью, в бархатный сезон, явились на пляж молодые супруги – прибыли в Эсталусию провести медовый месяц. Дорогие акваланги, маски с шестью иллюминаторами, камера для подводных съемок. Чужало мое сердце, что у пижонов дело кончится плохо. Подошел я к ним, учтиво поинтересовался, сколько погружений на счету и не нужен ли какой совет. Супруг отмахнулся: дескать, отвали, не учи ученого. Сам по-эсталузийски ни слова, а мой английский ему, видно, не понравился. Ладно. Навьючили они аппараты, поплыли. Штиль, вода прозрачная, и на дне есть, что посмотреть. Но вскоре гляжу: молодожены возвращаются. Парень снимает маску, а морда в крови. Я хватить аптечку – и бегом. У него из носа кровь хлещет,

под глазами синяки жуткие; жена в истерике. Он, видите ли, забыл, что при погружении надо выравнивать давление под маской. Мол, присасывается – ну и черт с ней, он перетерпит. Так и провел медовый месяц с синячищами.

Впрочем, спасателей нигде особенно не уважают; я уж привык. Девушкам говорю, что я студент-юрист, а на пляже подрабатываю на карманные расходы.

И вдруг Эстебану пришло письмо от губернатора. В Тоски неожиданно проснулись отцовские чувства, и он приглашал сына погостить. В первую минуту я чуть не сдох от зависти. Из нашей деревни – в Альба-Лонгу! Затем опомнился: тетка ни в жизнь не выпустит свое сокровище из-под крыла, и Эстебан никуда не поедет. Вот горе-то! Ну, то есть, кузену все равно, а мне...

– Я сам поеду, – сказал я.

Что тут началось! Эдда кричала, что губернатор – сукин сын и ни один порядочный человек не должен ступать на порог его дома. (Что четверо порядочных восемнадцать лет жили на губернаторские деньги, в ту минуту позабылось.) Мать причитала, что я – кормилец и опора семьи, да и не сойду за больного брата, и вообще нечего мне делать в городе, где столько соблазнов. Эстебан при этом напевал непристойную песенку, которую подслушал у соседей.

Осточертело мне все. Я слетал к начальнику станции, договорился, что уеду на неделю-другую – больше, полагал я, в губернаторском доме обманом не продержаться, ночью собрал вещички, а утром сел на автобус и махнул в Альба-Лонгу. Угрызения совести меня вовсе не мучили. Тоски восемнадцать лет в глаза не видел ни бывшую жену, ни сына; какая ему разница, кто приедет на его хлеба? Я даже лучше, чем кузен, поскольку с Эстебаном надо возиться, как с малым ребенком, а я обхожусь своими силами. Губернатору вскоре избираться на второй срок – вот он и строит из себя чадолюбивого папашу.

И что же? Стоило появиться на вилле, неизвестный берет меня на мушку. И не стреляет при этом. Почему? Кто он такой и за что хотел меня убить?

Сидя на постели, ответов не найдешь. Может, Рафаэль Пьятта их отыщет?

И к вечеру Пьятта сыскал. Генерала Макнамару.

Глава 2

У губернатора был большой прием. На виллу съехался цвет Альба-Лонги: господа в светлых костюмах, дамы в ослепительных платьях. Все ели, пили, танцевали, толпами перетекали из зала в зал.

В шуме и суете я растерялся и мечтал улизнуть, однако Тоски решительно держал меня при себе.

– Эстебан, не пой и не пляши, – то и дело поучал он, а затем с любезной улыбкой представлял очередному гостю или гостье.

От смущения я позабыл строить из себя идиота, и дамы приветливо улыбались. Жалели бедняжку. В газетах написали, что губернатор обрел горячо любимого сына, с которым его разлучила судьба, и прочую слезливую чушь, и эти статьи все читали. Готов поспорить, что их сочинил и разослал по редакциям Марио Арган, губернаторский пресс-секретарь.

Арган совсем не похож на Пьятту. Пресс-секретарь скользкий как угорь и себе на уме; по-моему, он бы с удовольствием занимался политическим сыском или писал на сограждан доносы, но случайно достиг успеха на ином поприще.

– Эстебан, не вздумай петь, – в очередной раз предупредил губернатор. – Донна Родригес, позвольте представить вам моего сына. Эстебан, поздоровайся с донной Родригес.

– Бедный мальчик до смерти напуган, – благожелательно заметила донна.

– Ошибаетесь, – возразил я, порядком задетый. – Но вы очень красивы.

Донна пришла в восторг.

– Эстебан – само очарование, – сообщила она своей знакомой, удаляясь.

Искусно лавируя между гостями, к Тоски приблизился Марио Арган. Пресс-секретарь что-то сообщил патрону; губернатор переменялся в лице и рванул из зала. Я ринулся следом. Может, поймали того, кто в меня целился на лугу? Едва ли, соображал я на ходу: с этим известием явился бы начальник охраны.

Сердито отмахивая рукой, губернатор шагал по коридорам. Я не отставал, бесшумно ступая по толстым ковровым дорожкам. Тоски зашел к себе в кабинет; я – за ним. Раз уж угодил в гущу каких-то событий, ничего нельзя упустить.

– Эстебан! Ты тут зачем?

– Побуду с вами, – я нырнул в угол между книжным шкафом и бронзовым бюстом древнего философа.

Философ наверняка прочел бы все труды мыслителей, стоящие на полках; у Тоски же они собраны для красоты и пущей солидности. Губернатор мгновенно забыл про меня и ткнул клавишу интеркома на столе. Стол у него роскошный – резной, инкрустированный серебром.

– Рафаэль, зайди ко мне в кабинет.

Я плотней вжался в угол. Если вызывают Пьятту и он меня заметит, не преминет избавиться от лишних ушей.

Через минуту, постучавшись, вошел начальник охраны.

– Слушаю вас, господин губернатор.

Пьятту из-за шкафа мне было не видать, но Тоски я видел прекрасно. Он опирался на свой стол, словно император – на боевую колесницу.

– Ты взял в штат Макнамару?

– Взял.

– Какого дьявола?

– На вашего сына покушались. Ему нужен телохранитель.

– У тебя своих людей не хватает?

– Не хватает, – отозвался Пьятта желчно. – Генерал Макнамара – отличный сотрудник. Это «тюлень»; он ловок, силен, владеет рукопашным боем и вообще парень с головой. И будет Эстебану хорошей нянькой.

Нянька была мне вовсе ни к чему; и что за тюлень?

– Макнамаре здесь не место, – раздраженно дернул головой губернатор. – Он американец.

Ах вон что, сообразил я. «Тюлень» – SEAL – боевой подводный пловец армии США. Каким ветром его сюда занесло? И почему американский генерал нанимается моим телохранителем?

– Господин губернатор, либо я работаю, как считаю нужным, либо вы обходитесь без меня. Вы отстранили моих людей от третьего этажа...

– Речь сейчас не о том, – перебил Тоски. – Я не допущу, чтобы Макнамара находился на вилле. Он сумасшедший!

– Я знаю его много лет, – отчеканил Пьятта, – и я за него ручаюсь. А если вас не устраивает мой выбор...

– Ты знал его до армии. А мне хватило вчерашней встречи. Он совершенно не в себе.

Краткое молчание – начальник охраны переваривал информацию. Затем проговорил:

– Мне об этом ничего не известно.

– Все случилось в городе; мы обошлись своими силами, – с неохотой пояснил Тоски. Он явно хотел бы скрыть от Пьятты происшествие. – Рафаэль, я не вмешиваюсь в твою работу. Однако я прошу: убери отсюда Макнамару.

– Я заплатил ему аванс. Пусть отработает.

– Нет! – Губернатор рассек кулаком воздух, желая стукнуть по столу, но промахнулся и ушиб руку о край столешницы. – Ах, дьявол!.. Все, разговор окончен. Свободен.

Оскорбленный, Пьятта вышел.

– Чем вам насолил Макнамара? – подал я голос, выбираясь из угла.

Тоски вздрогнул.

– Ты еще тут?! – Он спохватился и терпеливо объяснил: – Понимаешь, сынок, этот человек не умеет себя вести. Вчера он ворвался ко мне в приемную, закатил истерику и требовал денег!

– Зачем ему деньги?

– Низачем. В американской армии неплохо платят, тем более «тюленям». Эстебан, иди к гостям. Найдешь дорогу?

– Найду.

К гостям я не собирался, а спустился на первый этаж, чтобы задать два-три вопроса Пьятте и поглядеть на генерала, которому взбрело на ум требовать у Тоски денег. Наверное, он и впрямь не в себе, коли полагал, будто наш губернатор запросто растрясет мощну. Однако мне хотелось познакомиться с человеком, которого так уважительно отрекомендовал начальник охраны.

Пьятту я не нашел – ни в штабе, ни в мониторной, ни в его комнате. Тогда я поднялся к себе и вышел на балкон. Оттуда было видно парадную лестницу, два фонтана внизу и уставленную дорогими автомобилями площадку перед домом. В лучах заходящего солнца струи воды в фонтанах казались розовыми, а хромированные детали машин отливали медью.

Минут через пять на лестницу вышли Пьятта с Макнамарой, начали спускаться. Генерал был одного роста с начальником охраны – выше среднего; широкоплечий, черноволосый. Одет он был в серую футболку, джинсы и армейские ботинки.

– Макнамара! – хрипло крикнули у меня над головой.

Двое внизу обернулись. Макнамара был в очках с коричневыми стеклами. Слишком молодой для генерала: лет двадцать семь – двадцать восемь. Он осмотрел фасад здания, Пьятта

указал на меня. Макнамара кивнул и продолжал высматривать человека, который его окликнул. Не высмотрел и снова двинулся вниз. Пьятта последовал за ним.

Я тоже не стал задерживаться: махнул через перила, повис на руках и аккуратно приземлился. Людей Пьятты выставили с третьего этажа; оттуда кто-то окликает Макнамару, но не желает с ним разговаривать... Может, неизвестному заткнули рот и оттащили от окна? Что творится в губернаторской резиденции?

К воротам виллы тянулась прямая асфальтированная аллея, украшенная вазами из разноцветного мрамора и кустами роз. Розы буйно цвели, их аромат смешивался с запахом нагретого асфальта.

Пьятта с Макнамарой быстро шагали по аллее; я держался сзади метрах в десяти.

– Не знаю, что тебе посоветовать, – донесся до меня голос начальника охраны. – В городе приличной работы не найдешь.

Макнамара молчал.

– Послушай, я не лезу в твою жизнь, – продолжал Пьятта. – Но если б ты все-таки поделился...

– Нет.

– Ну, как хочешь.

Пьятта проводил его до ворот с будкой охранника, по стенам которой ползли виноградные лозы. Среди листвы блестели оконные стекла.

Я нагнал начальника охраны и боевого пловца, когда они на прощание пожали руки, а створки ворот начали открываться.

– Эстебан? – поднял брови Пьятта. – Тебе что здесь надо? Ну-ка домой.

Макнамара прошел в ворота и зашагал прочь; створки поехали на место.

– Хочу поговорить с Макнамарой, – заявил я начальнику охраны. – Никогда не разговаривал с «тюленем».

– Он не желает с тобой разговаривать. Видишь, уходит? Пошли домой.

Ворота захлопнулись.

– Макнамара! – крикнул я.

Генерал оглянулся. Вскинув руку с раскрытой ладонью, я опустил ее через сторону, повторил сигнал: «Беда!» Пловец повернул ладонь тыльной стороной вниз, пару раз сжал в щепотку и разжал пальцы: «Не понял. Что ты хочешь?» Я несколько раз быстро прижал к шее правую ладонь с поднятым большим пальцем: «Опасность! Прошу немедленную помощь!» Макнамара двинулся назад.

Начальник охраны усмехнулся.

– Да ты не так глуп, как прикидываешься. Пропусти! – крикнул он, и дежурный в будке снова открыл ворота. – Знакомьтесь: Эстебан Тоски – Генерал Макнамара, мой друг. Это его так зовут – Дженерал, Генерал.

– Джен, – пловец протянул мне руку.

Только сейчас я рассмотрел его лицо: смуглое, с правильными чертами, оно было иссечено тонкими белыми шрамами, словно кто-то, издеваясь, рисовал на лице бритвой. Черные волосы закрывали лоб и скулы, коричневые стекла очков скрадывали шрамы у глаз.

– Откуда ты знаешь сигнальный код? – спросил Макнамара.

Я, конечно, выдал себя с головой: Эстебан спасателем на воде не работал и дела с аквалангистами не имел. К счастью, мысли начальника охраны были заняты другим.

– Джен, – сказал он, – я вот о чем подумал. Рано или поздно этот обормот снова попрут через забор, или снизу подкопается, или еще что-нибудь учудит. Я хочу, чтоб ты находился с ним рядом. Будешь его телохранителем за пределами виллы. Идет?

– Договорились. – Макнамара улыбнулся обаятельной белозубой улыбкой. Улыбка была не американская, дежурная, а эсталузийская, искренняя.

Он мне решительно нравился. Вот бы удалось сдружиться...

– Завтра я тебе позвоню. Эстебан, на разговоры – четверть часа, – распорядился Пьятта и зашагал по аллее к дому.

Улыбка Макнамара погасла, пловец обернулся ко мне.

– Отвернись от камеры; будем знакомиться заново. Я – Джен Макнамара. А ты кто?

– Тео Вальдес. – Я был ошарашен и одновременно восхищен. Пьятта за сутки не успел меня раскусить – а этот в один миг разобрался.

– Что ты ловишь в губернаторском доме?

Я выложил свою историю. Макнамара задумчиво потер чисто выбритый подбородок, на котором белели три косых шрамика. На пальце я заметил обручальное кольцо. Макнамара не был похож на иностранца; больше всего он походил на коренного эсталузийца, да и говорил без акцента.

– Джен, Тоски утверждает, будто ты просил у него денег. Он врет?

– Денег?! Конечно, врет.

Я ждал продолжения, но пловец не стал рассказывать. Снял очки, потер намятую переносицу. У него оказались синие глаза – измученные, с красными прожилками, будто после бессонной ночи. Этому человеку явно было плохо. Со слов Пьятты я понял, что Макнамара безработный, а моим телохранителем ему оставаться недолго – до поры, пока меня не вышвырнут с виллы. Мне захотелось что-нибудь для него сделать.

– Я могу тебе как-то помочь?

Макнамара помолчал, поглядел внимательно и спросил:

– Ты бывал на третьем этаже?

– Нет еще.

– Постарайся узнать, кто там живет.

– Попробую. А что ты скажешь о типе, который разгуливал на лугу с пистолетом?

Пловец нахмурился, снова нацепил очки. Я подумал, что зрение у него отличное – Макнамара просто-напросто прячет за темными стеклами глаза.

– Тебя не убили, это главное, – сухо сказал он. – Будем надеяться, что и впредь худого не случится. Ладно, я пошел; до завтра.

– погоди. – Я выбрал из десятка своих вопросов еще один: – Ты расскажешь, как был «тюленем»?

– Я им не был, – огорошил меня Макнамара.

– Как это? А Пьятта говорил...

– Я прослужил два с половиной года на флоте, затем подался в боевые пловцы. Проучился десять недель и бросил.

– Почему?

– Это не мое. Я не собирался служить «тюленем», у меня был контракт на три года. А тут должно быть дело твоей жизни – иначе нет смысла терпеть этот ад. За малейшую провинность или недовольство – наказание. Сотню раз отжимайся в грязной луже, окунайся мордой. Или ведра с водой таскай. Зачерпнул и тащишь вдоль берега. Прошел, сколько надо, воду вылил, снова зачерпнул и несешь обратно, однако идешь уже задом наперед. Специально отдают идиотские приказы, проверяют тебя на «излом», а ты помалкивай и выполняй без размышлений. Из живого человека должен превратиться в автомат – потому что в боевых условиях некогда будет размышлять, выполнять приказ или не стоит. А я только и мечтал о том, как вернуться в Альба-Лонгу... – Макнамара смолк, махнул рукой. – А, неважно. Тео, – он сдернул очки и посмотрел мне в глаза, – твой дядя-губернатор – жестокий и опасный человек.

– Понял.

– Будь осторожен. И запомни мой номер телефона, – он назвал цифры.

Я запомнил, и мы расстались. Несостоявшийся криминалист в моей душе ликовал – за один день произошло множество загадочных событий.

Шагая по аллее к дому, я подводил первые итоги. Что нам известно? Макнамара попал в переplet, чего-то добивался от губернатора, Тоски отказал и затем выгнал его с виллы. В доме появился неизвестный, к которому не подпускают людей Рафаэля Пьятта. Неизвестный знает Макнамару; он то ли звал пловца на помощь, то ли хотел поговорить, но в последний миг передумал. Макнамара, в свою очередь, интересуется этим человеком. И при всем прочем, кто-то целился в меня на лугу.

Вернувшись, я обошел вокруг дома. Из окон бального зала на втором этаже несется музыка и голоса – прием в разгаре. На третьем этаже окна закрыты, жалюзи опущены, балконов нет. Не подберешься. Тогда я зашел внутрь и двинулся наверх по главной лестнице, мимо кадок с цветущими растениями. Миновал второй этаж и оказался на площадке, где сидел охранник. Стол с телефоном и компьютером, мягкое кресло, диван, который загораживает ход наверх, столик с кофейным прибором и кофеваркой, два куста белой азалии, камера на стене. Охранник поднялся из-за стола мне навстречу.

– Сюда нельзя.

Кроме дивана, лестница ничем не перегороджена; ни решеток, ни бронированных дверей. На третьем этаже – холл со светильниками, две скульптуры, изображающие пастуха и пастушку, красная азалия, из холла в обе стороны уходит коридор.

– Сюда нельзя, – повторил охранник.

Я плюхнулся на диван. Заморочить охране голову не так уж трудно.

– Посижу здесь, ладно? Наверно, скучно одному? Кофе дашь?

– Не дам. – Парень ткнул на столе клавишу интеркома: – Валье говорит. Заберите от меня Эстебана.

Я прикинул свои возможности. В запасе – минута-две, охранник не вооружен.

– Где Макнамара? – спросил я, подымаясь.

– Понятия не имею. Шел бы ты...

– Где Макнамара?! – заорал я. Эстебан сроду так не голосил, он тихий и смирный, но здесь этого не знают. – Где?!

Одним прыжком я взлетел на стол и ногой двинул опешившего охранника в челюсть. Не смертельно – кроссовки мягкие, да и рухнул парень не на каменные ступени, а на диван. Пока он там барахтался, я взмыл по лестнице, завернул в правый коридор и с воплями «Где Макнамара?!» заметался от стены к стене, распахивая двери. Комнаты оказались пусты, даже без мебели. Но Макнамару окликали из правого крыла, неизвестный был именно здесь. Где же?

Меня настиг охранник; по коридору мчались еще двое. Я кинулся на пол, с воем покатился по ковру; зацепил парня за щиколотки и чуть не уронил. Далеко-далеко, в левом крыле заметил две женские фигурки – они бежали к нам.

– Макнамара!!! – заорал я, срывая голос, и получил ногой под ребра. Видел бы Пьятта! Он бы объяснил, что так усердствовать негоже.

Подмога была уже совсем рядом. Я откатился к стене и замер, прикрывая голову руками.

– Оставьте его! Не бейте! – раздался женский крик.

Меня и не били. Подняли, вlepили пару оплеух и поволокли в холл. Я висел мешком, изображая упадок сил после приступа, и пытался разглядеть тех женщин. Они скрылись за дверью, и я рассмотрел только, что одна из них – брюнетка, а у другой волосы светлые.

На площадке между третьим и вторым этажом меня встретил врач с чемоданчиком и Рафаэль Пьятта. Начальник охраны свирепо кусал губу. Меня усадили на диван, врач раскрыл чемоданчик, достал ампулу-шприц.

– Это что? – резко спросил Пьятта.

– Снотворное.

– Не надо, – Пьятта отодвинул врача. – Сейчас сам придет в чувство. – Горящие черные глаза не сулили мне ничего хорошего. – Ребята, свободны. Эстебан, пошли.

Я поднялся. Кажется, маленько переиграл.

Начальник охраны увел меня вниз, в свою комнату, запер дверь на ключ и прислонился к ней спиной.

– Итак, сеньор Тео Вальдес, я жду ваших объяснений.

Мадонна! И он тоже знает! Губы Пьятты дернулись в холодной усмешке.

– Ты кого вздумал обдурить? У меня что, телефона нет? Один звонок твоей тетке – и эта клуша призналась во всем.

Я прошелся по скудно обставленной комнате. Семья начальника охраны живет в Альба-Лонге; как я слышал, у него сын и две дочери. Без приглашения усевшись в кресло, я начал:

– Рафаэль, губернатору не нужен Эстебан сам по себе. Ему требуется сын, о котором газеты будут писать сентиментальную чушь. С ролью СЫНА ДЛЯ ПУБЛИКИ я справлюсь, а большего от меня не ждут. И поверь: я в этой роли гораздо удобней, чем Эстебан. Со мной легко договориться, я могу помолчать, если надо; могу не петь при гостях. И даже, представь себе, обхожусь без памперсов. Где Тоски найдет себе сына получше?

– Тебе это надо?

Я подумал. Роль незавидная, однако...

– Это трамплин для прыжка в большой мир. Я не хочу всю жизнь пасти туристов на пляже.

Пьятта бросил на меня острый взгляд.

– Трамплин для прыжка бывает разный. Да и что это даст? Предположим, ты успешно отыграешь полоумного – до выборов. Тоски либо станет губернатором на второй срок, либо нет, но ты в любом случае ему больше не нужен. Значит, прощаешься с ним, но остаешься со славой придурка, и твоя физиономия знакома всей провинции.

– А я за службу попрошу оплату. И смогу уехать.

– Оплату? – Пьятта насмешливо приподнял брови. – Господин губернатор еще с тебя высчитает за хлеб, который ты у него съел, и за воду, которую выпил.

– Посмотрим.

– Увидишь. Как бы то ни было, я сообщу Тоски, что ты – его племянник.

– Сообщай, – я с деланным равнодушием пожал плечами. – Рафаэль, Макнамара сказал тебе, что за скандал у него вышел с губернатором?

– Нет. – Пьятта подтянул себе второе кресло и уселся. – Джен четыре дня назад вернулся из Америки; с этими шрамами на лице. И что-то произошло уже здесь, после его возвращения. Зачем-то явился к Тоски на прием. Пресвятая дева! Чего он добивался? Ума не приложу.

– А что значит «они обошлись своими силами»? – повторил я слова губернатора, сказанные начальнику охраны.

– Это значит, – нахмурился Пьятта, – что некто подслушивает по углам и будет выставлен за ворота сейчас же.

– Я не подслушивал. Тоски знал, что я в кабинете. Рафаэль, что там было с Макнамарой?

– Похоже на то, что Джен вспылит, а Тоски струсил. Вызвал охрану. Парни скрутили Джена и вытащили вон через запасной вход. Поэтому обошлось без шума, журналисты не пронюхали. Разумеется, знай я раньше, не брал бы его на работу. Жаль парня; куда он денется? Не посуду ж ему мыть в кафе...

– А ты не говори про меня губернатору. Тогда за Дженем останется место телохранителя.

– Шустрый ты больно. – Пьятта прищурился. – Ну-ка выкладывай: что искал на третьем этаже?

– Человека, который звал Макнамару. Кто там живет?

– Не знаю и знать не хочу, – отозвался Пьятта с гадливой гримасой.

По-моему, он знал довольно, чтобы морщиться. Он продолжал:

– А ты туда больше ни ногой, ясно? Я еще не решил, докладывать ли Тоски, что ты везде суешься...

– Не докладывай! – Здорово, что начальник охраны на стороне моей и Макнамары. – Я тебя не подведу.

На столе звякнул телефон; Пятта снял трубку:

– Пятта слушает. А! Что узнал? – Последовала долгая пауза. – Четвертого марта? Так... Так. Все понял, спасибо. – Он положил трубку на рычаг. – Проклятье...

Он посидел, уставясь в одну точку, затем встряхнулся, глянул на меня.

– Деньги есть?

– Н-немного, – заикнулся я от изумления.

Пятта полез в бумажник и отсчитал несколько купюр.

– Держи. Сейчас идешь собирать манатки, и тебя отвезут в город. Переночуешь в гостинице, а завтра отправишься домой. Все понял?

– Рафаэль, что случилось?

У него сверкнули глаза.

– Не выношу жадность и глупость. Через пять минут садишься в машину – и до свиданья.

– Да что тебе наплели?! Я ничего не сделал.

– Марш за вещами. И забирай деньги, кому сказано!

Я ушел, как оплеванный; деньги оставил на столе. Жадность и глупость! При чем тут я? Почему он выставляет меня с виллы, и что произошло четвертого марта?

В моей комнате ждал новый сюрприз: на краю постели, сложив руки на коленях, сидела молодая брюнетка. Короткая стрижка, великолепная фигура, светлый костюм, подмышкой кобура. Не иначе как телохранитель.

– Привет, – улыбнулась гостя. У нее был красивый рисунок губ и низкий, но приятный голос. – Я – Луиза.

Несколько мгновений я соображал, быть мне Эстебаном или собой; остановился на роли кузена и спросил:

– Ты живешь на третьем этаже?

– Да. Эстебан, – проговорила она вкрадчиво, – у меня к тебе важное дело. Пожалуйста, подумай и...

– Как зовут клиентку? – перебил я.

Луиза снова улыбнулась и продолжала о своем:

– Ты виделся с Генералом Макнамарой. Расскажи про него. – Ее темные глаза были блестящие и холодные, как стекло.

– Что произошло четвертого марта?

У нее на лице промелькнула тень. Попал: дата ей знакома.

– Эстебан, я прошу рассказать о Макнамаре. У меня мало времени.

– У меня тоже. – Я подхватил сумку с пожитками и повесил на плечо. – Машина ждет.

– погоди! – Луиза вскочила. – Скажи: Макнамара – каков он собой?

Я расхохотался.

– Джен – американская суперзвезда. Женщины должны любить его без памяти.

Луиза фыркнула, как рассерженная кошка.

– Эстебан, я серьезно спрашиваю. У него лицо обезображено – это верно?

– Шрамы его не портят. И передай клиентке вот что. – Ничего с ходу не придумав, я повторил слова Рафаэля Пятты: – Не выношу жадность и глупость.

Луизу передернуло. Неужели опять в точку? Вот не ожидал.

Довольный собой, я сбежал вниз; не стал прощаться с Тоски, а напрямик сел в ожидавший меня белый «фиат». Поехали. Прощай, губернаторская вилла. Разгадывать твои загадки я буду в другом месте.

Теперь я знаю, что Макнамара окликнула Луиза – то был ее низкий голос. Добавила хрипотцы, и получился мужской крик. Пловец обернулся, а Луиза стала его разглядывать. Очевидно, плохо рассмотрела – и прибежала с расспросами ко мне. Что ей за дело до шрамов Макнамары?

Через десять минут мы въехали в Альба-Лонгу. Темнело, на фасадах загоралась реклама, в кронах деревьев зажглись гирлянды фонариков, точно хороводы золотых светлячков. Белели столики открытых кафе; центральная улица, по которой мы ехали, была полна людей. Я сначала решил, что в городе праздник, но шофер сказал: по вечерам здесь всегда так. Веселые, жизнерадостные альбалонгцы, нарядившись в лучшие одежды, прогуливались парами либо вместе с детьми, встречали друзей и знакомых, шумно радовались встречам, пели, танцевали. Машин в Альба-Лонге не так уж много; но сейчас они, казалось, катили по виа Ливиа все, и все разом сигналили и нарушали дорожные правила.

Наш «фиат» ухитрился избежать десятка столкновений и причалил на площади перед отелем «Эксельсиор». Фасад отеля был подсвечен сине-зеленым, стеклянные двери мерцали таинственным светом морских глубин, а перед зданием тянулся ряд стройных, изысканных пиний. Их кроны были скупыми штрихами обозначены на фоне густо-синего неба.

– Приехали. – Шофер вытащил из кармана деньги, которые я оставил на столе у Пьятты, и сунул мне: – Бери, нечего ломаться. «Эксельсиор» стоит недешево. Счастливо.

Швейцар открыл передо мной дверь, и я вошел в холл гостиницы. Красиво. Дорого. Неясно, как буду здесь жить.

Из кресла поднялся Макнамара, по-прежнему в коричневых очках. Теперь на нем был костюм защитной окраски, со множеством карманов. Карманы эти были не пусты: в них явно находился целый склад, от шариковой ручки до ножа.

– Привет «тюленям»! – обрадовался я. – Ты откуда?

– Позвонил Рафаэль, попросил приглядеть за тобой этой ночью. Что стряслось?

– Много разного. Снимаем номер на двоих? У меня есть деньги.

– Пойдем отсюда. Негоже останавливаться в отеле, о котором известно, что тебя в него привезли.

Логика Макнамары показалась мне убедительной. Мы прошли через холл, затем по коридору мимо ресторана, где играл оркестр, и через запасной выход оказались на тихой улочке позади гостиницы. Здесь стояло несколько машин с потушенными фарами.

– Ты на колесах? – осведомился я.

– Нет. Идти близко – на виа Монта. Что произошло на вилле?

– Во-первых, Пьятта меня разоблачил и грозился довести до губернатора, что я – племянник, а не сын.

– Не удивляюсь. У Рафаэля глаз острый, а ты притворялся не ахти. Дальше.

– Но он сперва не собирался меня выгонять. Мы сидели и мирно беседовали. Затем позвонил какой-то гад, чего-то наврал, и тут Пьятта взбеленился. Швырнул мне деньги и велел убираться вон.

– А что сказал Тоски?

– Пьятта ему не доложил.

Макнамара присвистнул.

– Рафаэль меня изумляет. Расскажи-ка снова, по порядку и в подробностях.

Я рассказал, стараясь ничего не упустить. И разведку боем на третьем этаже описал, и появление Луизы. Макнамара задал еще парочку вопросов и примолк, помрачнел.

Мы свернули на виа Монта. По обеим ее сторонам тянулись окруженные зеленью одноэтажные домики, и стояли фонари с желтыми, как дыни, плафонами. Играла музыка, в одном из садов запускали шутихи, и они кувыркались в небе, рассыпая алые и золотые искры.

Макнамара привел меня к дому с номером шестьдесят девять. Из-за ограды свешивались ветви кустов с белыми пахучими цветами, на крыльце горел свет, поблескивала стеклянная дверь.

– Я уверен в одном. – Пловец толкнул легкую калитку и зашагал по дорожке меж кустов. – Рафаэль тебя выставил не потому, что ему чего-то наврали. Либо на вилле тебе грозит опасность, либо ты сам кому-то неудобен.

– Наверно, – согласился я. – И скорей всего, собака зарыта на третьем этаже.

Макнамара поднялся на крыльцо, отпер дверь.

– Проходи. – Он зажег свет в крошечном холле и в гостиной. – Только не пугайся.

Глава 3

С некоторой опаской, я зашел. Не знаю, что ожидал увидеть: то ли женский труп, то ли кровавые пятна на полу. Ничего такого в гостиной не было. Изящная мебель, обивка кофейно-бежевых тонов, большой стеллаж с книгами. Кроме книг, на полках были собраны сувениры с морского дна: кораллы, раковины, камни. К стене был прислонен разломанный стул, а буфет стоял с выбитыми стеклами. На полу было чисто, осколки выметены.

– Кто это бушевал? – поинтересовался я.

Пловец неловко улыбнулся.

– Не поверишь: сам.

Макнамара крушил мебель! В ярости? В отчаянии? Спьяну? Я не стал спрашивать, физически ощутив, насколько ему неприятно и стыдно за себя.

– Джен, у тебя найдется, что поесть?

– Наскребем.

Он ушел на кухню, а я глянул на корешки книг – приключения, военное и морское дело, справочники – и сунулся в приоткрытую дверь спальни, зажег свет. Здесь разгрома не было: Макнамара ограничился гостиной. Спальня обставлена по-женски: шелковые драпировки, кружева, светильники с рисунком на плафонах, на столике сидит кукла, наряженная невестой, а рядом с куклой – свадебная фотография в деревянной рамке.

Макнамара с молодой женой. То есть, пловца я поначалу вовсе не заметил – настолько потрясла меня женщина. Она была невероятно, немислимо красива. Я даже не мог толком ее рассмотреть, видел лишь огромные черные глаза и облако золотых волос, падавших на обнаженные плечи. Потом я разглядел Макнамару. Он обнимал жену, заслонял от камеры, старался укрыть свое сокровище – растерянный и мучительно счастливый.

Замечательная пара. Но где сейчас эта женщина? Хотелось бы увидеть ее не на фотографии, а вживе.

Я пришел на кухню. Там в микроволновке грелась пицца, а Макнамара сидел у стола, мял в пальцах незажженную сигарету. Очки лежали рядом.

– Присаживайся, – Макнамара подвинул мне табурет.

Его синие глаза были совсем измученные.

– Когда ты спал в последний раз? – спросил я, устраиваясь.

Он пожал плечами.

Ничего себе! Даже не помнит. Видно, дела у него хуже некуда.

– Что с твоей женой? – осторожно поинтересовался я.

– Оставь. – Макнамара усталым движением провел ладонью по лицу. – Это не твоя проблема.

– Теперь будет моя. К тому же, я могу дать дельный совет.

– Я четыре дня кряду выслушиваю советы. От родных, соседей, полицейских, от губернатора. Теперь еще от тебя?

У меня мурашки поползли между лопаток – настолько ясно я ощутил, что ему больно.

– Джен, я умею спрашивать и слушать. И думать над тем, что мне говорят.

– Отвяжись.

– Разве я плохо разведал на третьем этаже? И с Луизой ловко пообщался. А ты с недосыпу едва соображаешь; конечно, надо думать вдвоем.

Макнамара поглядел, как будто прикидывая, не дать ли по ушам за наглость.

– Послушай, я учился на криминалиста. У меня детективные способности в крови, – проговорил я как можно убедительней.

Он махнул рукой, сдаваясь; сунул в рот сигарету, закурил.

– Анна исчезла. Я вернулся из Америки – а ее нет. Соседи ничего не знают. Просто исчезла – и всё.

– А что полиция?

– Они... – Макнамара замялся, – сказали, что нет оснований ее искать.

– Как так?

– Им виднее.

– А что говорят ее родные?

– Эти несут чушь, – отрезал пловец.

Не желает распространяться. Что-то тут не так. Я решил зайти с другой стороны.

– Джен, давай по порядку. Когда вы поженились?

– Три с лишним года назад.

– И ты оставил ее и укатил за тридевять земель?

– Пришлось. Мы купили дом в рассрочку, а с деньгами туго – сам знаешь, какие тут заработки. Мой отец служит на авианосце, помощником командира. Я тоже подался на флот. Контракт на три года, спасательное судно.

– Военный спасатель?

– Судоподъемник; водолазные работы. Я все проклял. Думать ни о чем не мог – только об Анне. Надо мной весь экипаж смеялся. Когда письма приходили... А, черт! – Макнамара глубоко затянулся. – Два с половиной года – как в бреду.

– А зачем в боевые пловцы записался?

– Чтоб ни минуты свободной не осталось. Там нагрузки бешеные, с ума сходить недосуг. Десять недель сплошного ада. Мы с приятелем держались как могли, но в конце концов у Криса сдали нервы. Бросился на инструктора – хотел задушить, чтоб не издевался. Криса отчислили, и я с ним ушел.

– Обратно на спасатель? – уточнил я.

– В береговую службу. – Макнамара вынул из микроволновки пиццу и налил бокал виноградного сока. – Твой ужин.

Отхлебнув из бокала, я продолжил:

– А шрамы где заработал? На берегу?

– Да. Идиотская история.

– Я слушаю.

– Отстань.

Запретная тема. Я занялся пиццей, съел половину.

– Джен, что случилось четвертого марта?

– Ничего.

– Не может быть. Луиза интересуется тобой и знает эту дату. И Пьятта четвертое упоминал, прежде чем отослал меня с виллы.

Макнамара затушил в пепельнице недокуренную сигарету.

– Я сам ищу какую-нибудь связь – и не вижу. Четвертого я еще служил и только собирался домой. Срок контракта закончился двадцать седьмого.

Странно. Четвертое марта обязано что-то означать. Я спросил:

– Анна знала, какого числа ты приезжаешь?

– Конечно. Я заказал билет и позвонил ей.

– Когда заказал?

– Третьего.

Уже кое-что. У меня забрезжила смутная догадка.

– Когда тебя изукрасили бритвой?

– В декабре.

– А когда Анна узнала?

Пловец молчал, изучая свои руки.

– Джен! Когда ты ей сообщил? Третьего марта, заказав билет на самолет?

– Я об этом не говорил. Вообще.

Мои наметившиеся построения полетели к черту.

– Тео, – жестко проговорил Макнамара, – Анна ждала меня три года. Она не могла просто так взять и сбежать. Даже с этой запиской... Я не верю.

– С какой запиской? – насторожился я.

Он вышел из кухни и через минуту вернулся с листком бумаги, положил передо мной. Коротко и совершенно ясно:

«Джен, я не могу с тобой оставаться. Прости, не хватает духу сказать это лично.

Анна»

Я поднял глаза.

– Не верю, – повторил Макнамара с нажимом.

– Думаешь, ее заставили это написать под дулом пистолета? А потом вывели из дома, посадили в машину и увезли?

– Не знаю я! Соседи не помнят, когда видели Анну в последний раз; в полиции говорят, что поиском беглых жен не занимаются. Ее родители вообще... большего вздора в жизни не слышал. А твой дядюшка вызвал охрану и выставил меня вон.

– На кой ляд ты отправился к Тоски?

– Ну... должен же он заниматься проблемами граждан.

– Не смейся.

Зачем его понесло к губернатору? Помощи, что ли, просить? Легко было предвидеть, что радетель за народное благо отмахнется от Макнамары с его бедой. Если только...

– Джен, Тоски был знаком с Анной?

– Она работала в его аппарате, – сухо ответил пловец.

Иными словами, они общались, а ее красота вскружит голову кому угодно. «Не выношу жадность и глупость», – вырвалось сегодня у Рафаэля Пьятты. Неужели это про Анну? Неужто она променяла Макнамару на губернатора и живет на вилле в обществе Луизы? Чем прельстил ее Тоски? Деньгами? Понятно: это жадность. А глупость при чем? Наверно, Пьятта имел в виду губернатора. Ему вот-вот повторно избираться, и скандал с чужой женой совсем не ко времени.

Все равно непонятно. Анна ждала мужа три года; и она не знала, что Макнамару изуродовали. Допустим, слухи до нее дошли, когда пловец вернулся: вчера он виделся с губернатором. Тоски ей рассказал, а сегодня она выслала Луизу расспросить меня. Но ведь ждала три года! Почему же ушла перед самым его возвращением?

– Джен, можно взглянуть на твои письма к ней?

– Нельзя.

– Не читать – посмотреть, где они лежат.

То, как хранятся письма, может кое-что рассказать. Я много раз видел обтянутую бархатом коробку, где тетка Эдда хранит два письма от норвежца, с которым в молодости познакомилась на пляже. Тетка по сей день вспоминает его с нежностью.

Макнамара повел меня в спальню, вынул из шкафа большую коробку вроде обувной, поставил на кровать и снял крышку.

– Тебе б романы писать, – я прикинул на глаз число конвертов. Штук триста: Макнамара слал письма дважды в неделю. Они были аккуратно сложены, конверт к конверту.

– Что скажешь, Сыщик-Идущий-По-Следу? – Пловец усмехнулся, однако за усмешкой пряталась тревога.

– Скорей всего, Анна их доставала, перечитывала и любовно складывала обратно.

С тем же успехом она могла равнодушно пробегать строчки глазами и затем укладывать письма в коробку из одной лишь любви к порядку – но ведь не скажешь это Макнамаре. Я спросил:

– А ее письма где?

Пловец вынул объемистую упаковку из стоявшей в углу дорожной сумки. Я посмотрел даты последних писем. Два отосланы в декабре, два в январе, одно – февральское. В марте Анна не утруждалась. Интересно, отличается ли тон последних писем от других? Пока не прочтешь, не узнаешь.

Я снова заглянул в коробку с письмами от Макнамары, перебрал лежащие сверху. Все конверты надписаны ровным почерком, похожим на типографский шрифт... Кроме одного.

– Джен! От кого это?

Он взял конверт в руки.

– От Криса. – Пловец вынул исписанный листок, проглядел и бросил на постель. – Ах, чтоб ему!..

Я подобрал листок. Моего знания английского хватило, чтобы понять. Друг хотел как лучше; он написал Анне в то время, когда Макнамара был в госпитале, и честно рассказал всю историю. Накануне Рождества, с изрядными деньгами в кармане, приятели вырвались в город и осели в любимом баре. Выпили, но не так, чтобы чересчур. Затем какие-то незнакомцы пригласили друзей за свой столик и угостили – чем, неизвестно. Видимо, подсыпали в бокалы дрянь, от которой оба мгновенно вырубались. Очнулись друзья ночью, на пустыре. Ни денег, ни формы. А у Макнамары вдобавок исполосовано лицо: подонки сочли, что он слишком хорош собой и это надо исправить. Дальше Крис просил Анну поддержать мужа: «Пожалуйста, пишите ему чаще. Ему очень паршиво.»

Все становилось на свои места. Изуродованный муж красавице был ни к чему, однако она не решалась написать ему прямо. Мучилась, притворялась, будто ей ничего не известно, и со страхом ждала его возвращения. Четвертого марта, узнав, что Макнамара заказал билет домой, Анна перебралась на губернаторскую виллу; тогда и наняли девицу-телохранителя. Когда Пьятта узнал, что жена пловца исчезла из дома четвертого марта, он сообразил, кто живет на «Ванде», и отослал меня прочь, чтобы не совался.

Но будь я проклят, неужели так легко предать человека, которого любишь?

– Джен, разве это причина, чтоб уйти?

– Видимо, да. Анна визжит от вида крови, от самой пустячной царапины... Неужели так страшно? – потрясенный, Макнамара повернулся ко мне.

– Нет. Если она тебя любила, могла б и со шрамами любить.

Конечно, ничего хорошего в них нет, но и уродства я не вижу. Аккуратные, тонкие шрамы; у хирурга были золотые руки.

Мне было не по себе. У Макнамары сердце разрывалось, а я понятия не имел, как помочь.

– Анна любила. Вот, посмотри, – пловец извлек январское письмо жены и бросил мне.

Я развернул большой плотный лист. Судя по дате, Анна уже должна была прочесть рассказ Криса.

Письмо как письмо. Нежное, уютное, домашнее. Анна перечисляла покупки, сделанные к возвращению мужа: ночная сорочка, набор кастрюль, керамическая ваза, часы для спальни, модный галстук для Джена. Я посмотрел: в самом деле, на стене тикают часы с павлинами на циферблате; представить Макнамару в галстук было нелегко. Затем Анна уверяла, что безумно соскучилась, ждет, считает дни до его приезда. Сначала они поедут к морю, потом в гости к тетушке Марии и к бабке Пилар, а после соберут у себя всю родню; только в доме такая орава не поместится, придется накрывать столы в саду... Заканчивала она тем, что Джен замечательный, самый лучший и самый любимый.

Мило. Хотя слова и есть слова; я сам таких писем могу насочинять десяток. Я даже получил два похожих письмеца в прошлом году, когда отчислился из университета. А больше та девушка не писала...

– Ну? – требовательно спросил Макнамара, как будто от моего приговора что-то зависело.

– Можно взглянуть на последнее?

Он подал письмо, отосланное в начале февраля. В сущности, то же самое: скучаю, жду, целую много раз, милый, хороший, любимый. Макнамара следил за мной, словно я мог сказать или сделать нечто такое, отчего Анна вдруг явилась бы на пороге.

– Джен, с начала февраля не было ни строчки? Почему?

– Я должен был вот-вот приехать. Звонил, мы говорили по телефону.

– А в марте звонил? После четвертого?

– Да. Думал, не везет, ее нет дома... Ну хоть убей, не понимаю! Отчего она вот так ушла? Дождалась бы, посмотрела в лицо... – Макнамара присел на край постели, машинально перебирая письма жены.

– Что тебе вчера сказал Тоски?

– Увидев, перетрусил. У него прием по предварительной записи, но я так прошел. Он в лице изменился, вскричал тонким голосом: «Вы кто? Вам что нужно?»

– А ты?

– Едва успел сказать, кто я такой, – и влетает охрана. Тоски им: «Уведите. В ту дверь.» Через запасной выход, значит, чтоб без скандала на публике. Я даже сопротивляться не стал. От удивления, наверно.

Знает кошка, чье мясо съела, подумал я. Еще бы губернатору не испугаться, когда Анна поселилась в его доме. Предпочла «милому, замечательному, любимому» власть и деньги.

– Джен, ты обмолвился о ее родне. Как они объяснили?

– С ума они спятили. Валят все на меня. Дескать, в Америке путался с девками, оскорбил честь жены и так далее. – Макнамара коротко, зло засмеялся. – Жил монахом, ждал, когда вернусь. И вот, извольте: с девками!

Я поскреб в затылке. Откуда родне знать? Уж не написал ли какой-нибудь доброхот вроде Криса? Семейство встало на дыбы, а возмущенная Анна в отместку сбежала к другому?

– Джен, ты ничего не позабыл? Может, гульнул разок?

– Нет, – хмуро отозвался пловец, складывая на место письма.

– Значит, тебя оболгали. Кто из тамошних приятелей мог сюда написать?

– Из приятелей – никто. Разве что посторонний, какой-нибудь штабной бездельник. Да мало ли, кто чего нагородит! Почему надо верить всякой брехне?

– Давай поберемся на виллу, и ты поговоришь с Анной. Прямо сейчас, пока нас не ждут. Правда, охрана там поставлена будь здоров – Пьятта не зря ест свой хлеб. Но ведь он твой друг? Как ты считаешь?

– Друг, – согласился Макнамара. – Был. Теперь он охраняет губернатора и мою жену... Переиграть Рафаэля нелегко, но возможно. – Пловец вдохновился: – Главный наш враг – видеокамеры, они установлены по всему периметру.

– И в доме, – подхватил я, – камеры на каждом углу. И куча охранников. Там только с оружием прорвешься.

– С оружием нельзя – наше дело тихое. Надо обесточить виллу. Ты устроишь короткое замыкание, а я проникну в дом и уведу Анну. Когда они спохватятся, мы будем далеко. – Макнамара достал из кармана куртки блокнот, раскрыл. – Смотри.

На листке был нарисован план губернаторской виллы. Ну и ну. Оказывается, Макнамара еще раньше планировал вторжение на «Ванду» – видимо, со вчерашнего дня, после встречи с Тоски. Выходит, он предполагал, что Анна там?

– Тео, гляди внимательно. Вот линия электропередач. Столбы бетонные, высота шесть метров. Проволоку на провода закинешь?

– Наверное. Но ведь она тут же свалится?

– Нет. На обоих концах будет привязано по камню... – Макнамара смолк – в гостиной зазвонил телефон.

У меня по спине пробежал холодок. Одно дело – пробраться на виллу и мирно потолковать с Анной, объяснить, что ее обманули. И совсем другое – обесточить виллу, в темноте и суматохе украсть женщину. Но не отказываться же теперь, когда я сам навязался Макнамаре в друзья и советчики.

– Алло? – пловец снял трубку; я видел его сквозь раскрытую дверь. – Да, я. Эстебан здесь. Кто вы? Не знаю такого, дайте мне Рафаэля Пьятту. Я сказал: Рафаэля Пьятту. Тогда передайте, пусть ждет моего звонка в десять сорок пять. – Макнамара бросил трубку на рычаг. – Уходим.

– Что такое?

– Тебя ищут. Некто Марио Арган. – Пловец занес мою сумку с вещами в спальню и сунул в шкаф. – Здесь постоит. Вот, накинь, – он снял с вешалки темную куртку, – чтоб белой футболкой не светиться.

– Арган – пресс-секретарь губернатора.

– Наплевать. Мне тебя поручил Рафаэль, и ему я тебя верну. Живей.

Я выбежал из дома. Макнамара везде погасил свет, однако дверь запираить не стал.

– Придут за тобой – все равно взломают, – объяснил он в ответ на мой вопрос.

Мы двинулись напрямик, через ограды и сады. Пловец скользил, бесшумно раздвигая ветки, укрываясь в тени домов и деревьев. Мы то замирали, выжидая, осматриваясь, то молниеносным броском продвигались на десяток-другой метров. Я чувствовал себя диверсантом в тылу врага. Замечательное приключение. Пресс-секретарь – мерзкий тип; пускай помается, поищет – даже если Макнамара порет горячку и мы удираем зря.

Выйдя на оживленный бульвар, мы смешались с веселой толпой. Смех, крики, песни, где-то играют на гитаре, рядом надрывается магнитофон. Нас толкали, кружили, хлопали по спинам, беззлобно ругали. Макнамаре на шею вдруг кинулась девушка с цветами в волосах:

– Оресте!.. Ах! Обозналась! – Она прыгнула в сторону, смеясь послала ему воздушный поцелуй.

– Приходи еще! – крикнул ей вслед пловец.

– Так и рождаются слухи о супружеских изменах, – заметил я, стараясь не отстать в толпе. – Джен, Пьятте из-за меня наверняка досталось по первое число. Я же говорил, что губернатору нужен СЫН ДЛЯ ПУБЛИКИ.

– Неизвестно, для чего ты ему нужен. Не удивлюсь, если про Анну мы все сочинили, на вилле ее нет, а Рафаэль услал тебя от какой-то опасности. И сейчас сидит под арестом. Сюда. – Макнамара вытащил меня из толпы, и мы нырнули в маленький полутемный бар.

Здесь было душно и полно народу, но тихо. Люди чинно сидели за столиками, что-то пили, негромко переговаривались. При нашем появлении головы повернулись, в полутьме блеснули глаза. Макнамара резко стал, бросил взгляд кругом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.